

Глава 1

ТЕПЛОХОД «СЧАСТЛИВЫЙ ГРАФ»

Ах, как отражается этот новенький теплоход-красавец в тихой ночной реке! Ни ветерка, ни волн – отражаются луна и даже звезды. Три ряда красно-желтых огней один над другим в бескрайней темноте. И за каждым огоньком уютная каюта со своим стаканом вина, стаканом чая с лимоном и долгим философским разговором о жизни.

Стемнело давно, игры и купание в бассейне на теплоходе уже совсем не многолюдны. Только некоторые пассажиры все еще смело шагают от барной стойки к краю бассейна и ныряют в него. У барной стойки стоят рядом в купальниках и в длинных, дорогих вечерних платьях, босые и в дорогих туфлях на высоком каблуке. У барной стойки музыка звучит тихо, и каждый разговор слышен далеко, поэтому слов не много и каждое слово взвешено – вот ложечка, упавшая из кофейной чашки у официанта, зазвенела как

колокольчик, и все оглянулись. Все оглянулись и стали рассматривать ее.

Пассажиры и команда с первого дня стали называть ее Русалкой. Она появлялась в дорогом, длинном, облегающем, сверкающем платье и была похожа на русалку. Лицо наполовину скрывала длиннополая легкая шляпка, и носила она ее так, что никто не мог в деталях описать ее портрет. Чаще всего пассажиры говорили: «Красивая! Красивая, а описать не могу! Ха-ха-ха!» Спорили, откуда она, уж очень далеко была от теплохода «пена морская» для мифологического сюжета. Ходила она по-земному грациозно и каждому встречному легко и дружелюбно кивала. В руках у нее всегда длинный дамский мундштук и сверкающая очень крупными жемчугами сумочка. Обычно она подолгу стояла у барной стойки и ждала, пока бармен отважится налить ей в бокал того самого вина, которое она выпьет сегодня, не глядя ни на бутылку, ни на бокал, ни на бармена – и через минуту-другую произнесет-оценит: «Сегодня ты был ко мне равнодушен», или: «Вот хотелось умереть, а ты сказал: «Не здесь и не сейчас»»; или что-то еще... Бармен ждал ее и готовился к ее появлению. И когда она подходила к барной стойке, он пре-

ображался, становился артистом, философом, астрологом, фокусником, проповедником, как бы старинным ее другом... Он смело и громко спрашивал у нее: «Ты что сегодня будешь пить?!» А главное – он становился ее собеседником и говорил, говорил, говорил, и сам отвечал на свои вопросы, и сам себя хвалил, и сам себя ругал. Он наливал в бокал вино, любовался и восхищался цветом, вдыхал ароматы вина и пробовал его на вкус в поисках того самого «настроения сегодняшнего дня»... И когда поиски затягивались, она обращалась к нему: «Скажи мне, многословный сомелье, а в карте вин вина такого нет? В котором вкус дождя и солнца свет? Чуть детской радости, немного светлой грусти, и юности прошедшей послевкусье...» «Проникшись, сомелье ответил кратко: «Таких букетов нет, возьмите водки...»»¹

Но сегодня она спешила. Она подошла к нему очень близко, похлопала его по плечу, что-то шепнула на ухо и ушла.

Стайку красивых и стройных девушек на теплоходе видели только в купальниках: и утром, и в обед, и поздним вечером. Как они сами го-

---

¹ Автор – Александр Шурхалев.

ворили, на них всегда «самое дорогое платье», от которого мужчины подолгу не могут отвести взгляды. Еще они смеялись подолгу и как-то по-детски искренне, и все: и мужчины, и женщины, – улыбались им вслед без всякой зависти. А полный молодой пассажир, который никогда не снимал с себя очень пеструю одежду с множеством карманов, где, казалось, лежал весь его багаж, всегда кричал им вслед под общий смех и одобрение: «Наши золотые рыбки».

Новенький, сверкающий теплоход любовался сам собою в отражениях реки. Владельцы называли теплоход «Счастливый граф» и были уверены, что он принесет им счастье в первом же плавании. Некоторые пассажиры подмигивали друг другу и говорили с улыбкой, но грустными глазами указывая на владельцев теплохода: «И кто из этих двоих владельцев теплохода граф Калиостро, высокий или маленький? Оба хороши эти «господа Солнца».

Теплоход шел посередине реки совсем медленно. Медленно и тихо по течению вниз. А по берегам с обеих сторон была только степь и ни одного огонька. Ни фар автомобиля, ни огонька ночного велосипедиста, ни горящей спички, прикуривающего сигарету путника – не было